

С.П. Раевский, Т.В. Смирнова

Судьба Валерьяна Михайловича Голицына и его потомков

В двадцатых числах декабря 1825 года были арестованы князья Голицыны – братья Александр (1798–1856) и Валерьян (1803–1859), сыновья Михаила Николаевича Голицына (1756–1827), в прошлом ярославского губернатора. Александр, как было установлено следствием, не был членом тайных обществ, но знал об их существовании. Освобожден по Высочайшему повелению в апреле 1926 года. Сделал успешную карьеру и скончался в Варшаве, в должности почт-директора Царства Польского.

Судьба Валерьяна сложилась иначе. Он окончил Пажеский корпус, находился сначала на военной службе, уволился, поступил в департамент внешней торговли и к моменту ареста был камер-юнкером. Его посадили в Петропавловскую крепость, и содержался он «отдельно от прочих». Сначала на допросах отрицал принадлежность к тайному обществу, потом добровольно сознался, что был принят в Северное общество в 1823 году. Сам никаких действий в пользу общества не предпринимал. В.М. Голицын был приговорен к вечной ссылке в Сибирь. Вскоре вечная ссылка была заменена двадцатью годами¹.

Существует рукопись воспоминаний его родственницы Екатерины Ивановны Раевской, урожденной Бибиковой (1817–1900) о В.М. Голицыне, а также карандашный портрет его, сделанный ею². К моменту декабрьского восстания ей было лет 8. Она запомнила тревогу, царившую тогда в их московском доме. Ежедневно ее бабушка, мать и дядя читали какие-то все новые и новые листы. Как потом, уже, будучи взрослой, она узнала, это были списки арестованных, в числе которых был и ее троюродный брат Валерьян Голицын. Встретилась она с ним после его возвращения из ссылки. Вот что рассказывал он о том, как провел семь месяцев в Петропавловской крепости: «Мой день был разделен на две равные половины. До полудня я лежал в

постели. С полудня до полуночи я ходил безостановочно по своей крошечной тюрьме и курил. Ни книг, ни бумаги, ни чернил, ни перьев, ни карандашей мне не давали, картуз табаку лежал у меня на столе у окна, и когда он был запечатанный, то от сырости в тюрьме всегда лопалась бумага. В полночь я ложился и уже до полудня следующего дня уже не вставал с постели. Что я передумал во время ежедневного двенадцатичасового хождения взад и вперед по пространству в несколько шагов, рассказать невозможно!»

Кстати, Голицына предписано было содержать «строго, но хорошо».

В Сибири Голицын пробыл два с половиной года. Его мать Наталья Ивановна, урожденная Толстая, посылала несколько раз к сыну доверенного своего управляющего с деньгами, книгами и разной провизией. Каждую неделю в определенный день она писала сыну письма. Когда его перевели в 1829 году по Высочайшему повелению на Кавказ, мать каждый год ездила, чтобы провести с ним несколько недель.

В.М. Голицын участвовал в русско-турецкой войне. В отличие от некоторых других декабристов, например, Бестужева-Марлинского, которым было запрещено присваивать воинские звания, он уже через несколько месяцев службы стал унтер-офицером, а в 1834 году прапорщиком, после чего был уволен за болезнью, служил по гражданскому ведомству на Юге России, и только в 1839 году ему позволено было жить в Орле (под секретным надзором полиции).

Еженедельные письма мать Валерьяна Голицына поручала иногда писать своей племяннице – небогатой княжне Дарье Андреевне Ухтомской, которую воспитывала у себя как родную дочь. Все звали ее Долли. Брала княгиня племянницу и в ежегодные поездки в Пятигорск или Астрахань, где находился Валерьян. По утверждению Раевской, Долли не была красива, но стройна, ловка и чем-то очень нравилась мужчинам. Так, она влюбила в себя Бестужева-Марлинского, и он, получив отказ, погиб в безрассудной схватке с горцами. Влюбился в Долли и Валерьян Голицын. Она отвечала ему взаимностью. Но Наталья Ивановна была категорически против брака.

Причиной было то, что Валерьян был лишен княжеского титула. На все уговоры родных она отвечала с гневом: «Не хочу я этого рода Голицыных, которые не будут князьями!»

Долли отказывала всем женихам, несмотря на то, что представлялись хорошие партии. И свадьба ее с Валерьяном состоялась только после смерти старой княгини. Для вступления в брак ему было разрешено приехать в Москву. Голицыну в это время было уже сорок лет. По словам Раевской, он был тогда еще очень моложав, в черных густых волосах не было ни седины, черты лица его были красивы и выразительны. Долли была лет на шесть старше Е.И. Раевской. Таким образом, по-видимому, дата ее рождения в биографическом словаре «Декабристы» приведена неправильно – 1824 год. Ей ко времени свадьбы – 1843 году должно было быть за тридцать. Они, как пишет Раевская, «очень любили друг друга и жили очень согласно, несмотря на разность характеров». Валерьян строго богомольный, но без ханжества, отличался честностью, умом и замечательно прямым и благородным характером. Вместе с мужем автора воспоминаний и князем В.А. Черкасским он работал над проектом освобождения крестьян, который и был представлен Николаю I в 1848 году, но не был, к сожалению, принят.

Дарью Андреевну Голицыну Раевская характеризует иначе. Та не внушала ей симпатий. «Простоты в ней не было никакой, одно ломанье, чванство, ядовитые насмешки и маленькие колкости».

Жили Голицыны безвыездно в деревне – в селе Ивановское-Хованщина Епифанского уезда Тульской губернии, потому что Валерьяну был запрещен въезд в столицы. Он занимался хозяйством, выписывал в большом количестве книги и журналы, много читал. Но при его уме и образовании все же тяготился своим положением. Деревенская жизнь продолжалась десять лет, пока ему не было разрешено жить в Москве (под строгим надзором).

У Голицыных родилось двое детей – Леонилла и Мстислав. Их воспитанием тщательно занимались отец и мать. Для них держали гувернанток – немку, француженку, англичанку. И если Раевские держались

в домашней жизни простоты, то дети Голицыных воспитывались гораздо роскошнее, и Леонилла всегда была очень нарядна. «Когда она к нам приезжала, – пишет Раевская, – она дочерей моих оглядывала с ног до головы с какой-то не то презрительной, не то полуудивленной ужимкой: «Вы не по моде одеты»».

С воцарением Александра II Валерьяну Голицыну и его детям был возвращен княжеский титул, и он был освобожден от надзора. А на следующий год скончался его родственник граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1770–1857) и оставил свое огромное наследство сыну своей сестры – Валерьяну. Наследство А.И. Толстой в свою очередь получил от своего дяди графа Ивана Андреевича Остермана (1725–1811), младшего сына русского вельможи Ивана Андреевича Остермана (1668–1747), сделавшего карьеру при Анне Иоанновне. В обществе сложилось мнение, что над наследством Остермана тяготеет какое-то проклятие, как над богатством, несправедливо нажитым. Видимо, такие слухи возникли после того, как сын знаменитого канцлера оставил наследство своему племяннику А.И. Толстому. Е.И. Раевская, видевшая его у своих родных, пишет, что «Толстой был красив, строен, умен. Когда приезжал уже стариком, поразил своим величественным видом, прекрасными чертами лица, умными большими черными глазами. Был он блестящим гвардейским офицером, отличался храбростью, удальством и ловкостью». Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов Толстой участвовал в боях волонтером. Во время войны 4-коалиции против Франции в 1805–1807 годах командовал дивизией в корпусе генерала Л.Л. Бенигсена. Во время Отечественной войны 1812 года командовал 4-м пехотным корпусом, участвовал в Бородинском сражении³.

Он получил в наследство от своего дяди около 70 тысяч десятин в разных губерниях, а также бриллианты, серебро и пр. Женат был граф на белокурой красавице из высшего света. Но после получения наследства Остермана красавица заболела какой-то непонятной врачам болезнью. Она опухла, постарела. Понемногу граф разлюбил больную жену. Все было у

него: богатство, слава, почести. Счастья не было. И надеяться на второй брак он не мог. Детей не было. Граф Остерман-Толстой в 1817 году вышел в отставку в чине генерала от инфантерии и почти безвыездно жил с тех пор за границей. Своим обширным хозяйством он не занимался. Управляющие его имений мало заботились о деле. И князь Голицын, получив наследство, ужаснулся тем безобразиям, которые обнаружил.

Голицын вел всегда свои дела в величайшем порядке, был расчетлив без скупости, словом, отличный хозяин. И вот кончилась его счастливая жизнь. Он отправился объезжать свои новые владения и везде находил беспорядки. Видел, что годы пройдут, а надлежащего порядка не водворить. За несколько месяцев, как пишет Раевская, он похудел и состарился на несколько лет. Но энергичная воля его не пошатнулась. По непроезжим дорогам, в сопровождении одного камердинера, он отправился в какое-то захолустье. Усталый, изнервничавшийся, нравственно измученный, он заразился холерою и умер через несколько часов, вдали от родных, без всякой медицинской помощи. Не прошло и двух лет, как он получил проклятое наследство Остермана.

Что же стало с его женой и детьми? Обожаемый матерью, избалованный Мстислав воспитывался в исключительной роскоши. Но вместе с тем ханжество матери приучало мальчика к лжи и лицемерию, как считала Раевская. Например, еженедельно тринадцатилетний ребенок должен был отправляться к монаху и каяться в грехах. При нем нельзя было даже упоминать о существовании театра. Однажды дочь Раевской Магдалина стала рассказывать Леонилле и Мстиславу о балете. Дарья Андреевна отозвала ее в сторону и сказала, что ее дети не имеют понятия о балете.

И что же? Прошло несколько лет, и Магдалина встретила у театральной кассы Мстислава, бравшего билеты на спектакль. Он похвастался, что в один день побывает в двух театрах. Поступив в Петербурге в гвардейский кавалерийский полк, он стал кутить, делать долги. Обманывал мать, заставляя ее по несколько раз покупать для него одну и ту

же лошадь, уверяя ее, что лошадь пала. И каждый раз княгиня платила за лошадь две тысячи рублей серебром.

Все самые знатные красавицы обеих столиц казались матери недостойными ее сына. И вдруг без ее ведома Мстислав в пьяном виде обвенчался с «прыгуньей» из цирка, особой, как пишет Раевская, самого легкого поведения и к тому же беременной от другого. Этого удара княгиня не перенесла: заболела и скончалась в несколько дней.

После ее смерти явились к ее сыну кредиторы. Пришлось рубить дедовские леса, по кускам продавать и закладывать земли для удовлетворения займодавцев. Майорат Остермана был взят в Опеку. Голицынское имение Архангельское в Тульской губернии было полностью разорено. Раевская, проезжая мимо Архангельского в 1880 году, с грустью видела покосившийся, заколоченный усадебный дом с выбитыми окнами. Вырублены были даже все до единого дерева в старинном саду. Мебель продана с аукциона. В те же годы на кладбище Данилова монастыря могил Валерьяна Голицына и его жены уже не было видно. Дети их никогда не приходили на кладбище.

Печальна была и судьба дочери Валерьяна Голицына Леониллы. Воспитатель Мстислава, вдовец с тремя детьми, некто Сипягин сумел так втереться в доверие, что Леонилла и ее мать полностью попали под его влияние. Он постепенно удалил от дома всех друзей, всех молодых людей. Когда мать поняла, в чем дело, было поздно: Леонилла влюбилась в этого старика. Два года, несмотря на все старания матери, несмотря на путешествие за границу, Леонилла стояла на своем и вышла-таки за Сипягина. Но разгневанная мать дала в приданое одну подмосковную, почти не приносящую дохода. Сипягин, правда, не потерялся: уехал в Петербург, добыл там, пользуясь протекцией знатной жениной родни, выгодное место, а жену с двумя мальчиками и с тремя своими детьми от первой жены бросил в подмосковной. Зимой и летом жили они там в пустом, холодном доме, бедствуя и нуждаясь. Сипягин навещал семью раз в год на Святой.

Леонилла продавала свои вещи, чтобы прокормиться. Сыновей ей потом пришлось устраивать то у одних, то у других знакомых. Сама она скиталась, разъезжая на простой телеге, одна. Наконец, оказалась в Петербурге, жила где-то на чердаке, занимала по 3–5 рублей у знакомых.

Последний раз ее видела дочь автора воспоминаний Магдалина зимой 1887 года. Леонилла пришла к ней «без теплых сапог, окутанная какой-то мантильей, подбитой ветром». Явилась она с просьбой дать ей большую сумму денег. Оказалось, что речь идет о 15 рублях. Она производила впечатление полусумасшедшей. Магдалина написала матери в письме об этой встрече, добавив: «Когда я читала “Петербургские трущобы”, мне не верилось тому, что читала, но когда пришлось видеть в лицах сцену из них, то мороз по коже пробирал».

Раевская была уверена, что «виной всему то проклятие, которое с именем Остермана пало на счастливое дотеле семейство Валерьяна Голицына».

¹ Декабристы. Биографический справочник. М., Наука. 1988

² Екатерина Раевская. Воспоминания. Книга первая. Машинопись. Частный архив. С. 143–171

³ Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 655

Граф А.И. Остерман-Толстой

**Князь Валерьян Михайлович Голицын.
Рис. Е.И. Раевской**

**Екатерина Ивановна Раевская.
Автопортрет. 1834 г.**

Опубл.: Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VI Голицынских чтений 23-24 января 1999 года. Большие Вяземы, 1999. С. 260–266